

Елизавета Лещенко

КОШКИ—МЫШКИ

Волшебный клубок сказок
и стихов

Елизавета Лещенко
Кошки-мышки. Волшебный
клубок сказок и стихов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18798951

ISBN 9785447483234

Аннотация

Истории-сказки перемежаются со стихами. Герои иногда забавны, иногда загадочны, а иногда трудноопределимы. Реальность или фантазия? Быль или сказка? Добро пожаловать в волшебный мир новых образов!

Содержание

The gray bird	5
Девочка с бумажным фонарем	6
Just come up	12
Загадка Дженни	13
Wish Tree	16
Жил-был Дуб	17
Lilac-blue evening	19
Принцесса Кря	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

**Кошки-мышки
Волшебный клубок
сказок и стихов**

Елизавета Лещенко

© Елизавета Лещенко, 2023

ISBN 978-5-4474-8323-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

The gray bird

Gray The Bird, the silver gold
Your clear eyes are full of hope and sadness

The fragile and untouchable gray bird,
Your wings become the cloudy evening of my silence

Девочка с бумажным фонарем

Была середина зимы. Рабочий вечер пятницы выдался неприятно суетным и затяжным, погода радовала ещё меньше: морось, ветер и зябкая сырость. Сегодня я напросился в гости к Элин, зная, что её соседка уезжает на выходные и нас никто не побеспокоит. Я пообещал, что освобожусь вовремя, в последнее время ей часто приходилось меня дожидаться: на улице или в кафе.

Сама она не жаловалась, но я вовсе не хотел злоупотреблять её терпением, что-то внутри меня упорно не хотело принимать эти так недавно, неожиданно и стремительно начавшиеся отношения за ничем не отличающийся от всех остальных мимолетный роман.

Элин не была похожа ни на одну девушку, с которой мне когда-либо доводилось быть так или иначе знакомым, да и, честно говоря, я вообще не мог припомнить хоть одного похожего на нее человека, которого мне когда-либо доводилось встречать. Хотя, в чем именно заключалась эта выраженная «непохожесть», я вряд ли мог бы более-менее внятно сформулировать.

Когда она физически находилась где-то рядом, я мог явственно ощущать её присутствие даже с закрытыми глазами; когда она входила в комнату, меня как будто обдавало тёплым ветром, и чем ближе она подходила, тем сильнее стано-

вился ветер – вот-вот унесёт...

Если же мы не виделись несколько дней, и я забывал ей позвонить, меня неотступно, как наваждение, начинал преследовать её образ. Не раз я – на улице или в подземке – бросался догонять абсолютно незнакомых девушек, до последнего момента уверенный, что это именно она – пока нос к носу не сталкивался с абсолютно ничем не напоминающей Элин обескураженной женщиной...

Неудивительно, что все вещи, принадлежавшие ей, и вообще всё окружающее Элин пространство были так же странны и загадочны, как и сама девушка. В её комнате не хранилось ничего, что могло бы рассказать о личном прошлом: никаких фотографий с подругами или сёстрами или постеров с автографами – ну и прочей макулатуры, которой обычно окружают себя обычные девчонки.

А вот чужих историй здесь было пруд пруди: какая-то окаменелая штукавина, старинный (причём исправно работающий) патефон, книга, изданная так давно, что язык её было практически невозможно распознать (хотя у Элин получалось отлично), а однажды я заметил в углу странного вида поношенную туфлю (выглядела она так, как будто её обронила на булыжной мостовой некая Золушка из века эдак девятнадцатого, а потом на эту туфлю случайно наступила лошадь). «Это-то тебе зачем?» – спросил я, слегка поморщив-

шись. «У неё красивое прошлое», – как всегда в таких случаях категорично отрезала Элин и своей восхитительно-изящной рукой расправила мой искусственно сморщенный нос.

И чем дольше длилось наше знакомство, тем больше сундучков с секретами в Волшебной Комнате По Имени Элин являлось моему невооруженному сознанию, и, наконец, уже не надеясь выбраться из лабиринта этого замка прежним и невредимым, оно смирилось и стало принимать всё происходящее как неизбежную данность.

И эта безмятежная капитуляция длилась вплоть до того злополучно-промозглого пятничного вечера, когда я, в спешке, оскальзываясь и спотыкаясь, почти что бегом сокращал расстояние до дома Элин. Чтобы срезать путь от метро, я спустился к реке и шел – точнее, скользил – между трассой и парапетом (или тем, что от него осталось).

Вдруг произошло нечто, от чего я, пытаясь резко затормозить и обернуться, упал, точнее, вдруг обнаружил себя сидящим, растопырив ноги, как какой-нибудь диснеевский утёнок, когда на него что-то упало сверху: в моем правом ухе (а по ощущениям, прямо в голове), вдруг раздался голос, звонкий, и в то же время нежный. Он изрёк: «У тебя шнурок развязался!»

Не обратив ни малейшего внимания на скрежет и грохот, раздавшийся в этот момент в паре метров от меня, я, глуповато моргая, уставился направо, ошалело разглядывая обладательницу загадочного голоса. Я мог поклясться чем угод-

но, в том, что действительно вижу её, но в то же время понимал, что это зрение какое-то особенное, как бы внутреннее – обостренное до предела. Виски покалывало, в ушах стоял шум, всё тело обуяло сильное – совсем не характерное для меня лично – чувство предельной тревоги, волнения и... заботы.

Прямо на парапете, беспечно болтая ногами, обутыми в какие-то старомодные (хотя по виду – недавно купленные) домашние туфли, сидела симпатичная хрупкая девчонка лет двенадцати. На ней была простая просторная кофта и нечто похожее на леггинсы. Левой рукой она облакачивалась на парапет, а в правой держала фонарик из цветной бумаги, и он... светился изнутри. Светился ярко, осязаемо тепло.

– Эй! Ты там цел?! – только теперь я обратил внимание на источник недавнего грохота: из-за скользкой дороги водитель огромной фуры немного заехал на тротуар и снёс массивный столб, край которого сейчас находился в каком-нибудь полуметре от моих злополучных – и абсолютно целых – ботинок. Кстати, на них совсем не было шнурков.

Поднявшись и отряхнувшись, я бодро ответил (шум в голове очень кстати совсем улетучился): «Порядок!» – и двинулся было дальше, но тут, вдруг вспомнив недавнее наваждение, оглянулся направо, затем назад, подошел к парапету, перегнулся через него и ещё раз осмотрел всё вокруг. Ни-

чего. Ничего похожего на странную симпатичную девочку и никаких следов её пребывания здесь.

Элин открыла мне дверь, когда я еще не успел постучать – такое случилось и раньше – и обняла меня первой, не дожидаясь, пока я сниму пальто. Я успел заметить, что она выглядит бледной и уставшей, и что её тонкие пальцы холоднее, чем обычно, и как будто слегка дрожат. Ничего не говоря, я зарылся лицом в её густые, коротко подстриженные волосы, и ненадолго закрыл глаза.

– Хочешь кофе? – своим обычным голосом спросила оттаявшая Элин.

– Очень. – Честно ответил я, открыв глаза и по привычке блуждая взглядом по квартире в поисках какой-нибудь новой чудной вещицы. И я её нашел. На подоконнике красовался ярко-оранжевый фонарик – как видно, недавно – сделанный из бумаги.

– Может, всё-таки как-нибудь покажешь свои старые фотографии? – скорее чтобы что-то сказать, нежели с надеждой спросил я, глядя через плечо Элин прямо в глаза девочке за окном. Та заговорщически улыбнулась, и, прижав палец к губам, мягко растаяла во влажных туманных сумерках.

– Думаю, сегодня ты и так видел больше, чем достаточно. – Как всегда неожиданно и безапелляционно задвинув на место моё неоправданно-высокомерное любопытство промолвила очаровательная Элин и мягко отстранилась

от меня, направляясь в кухню.

Я быстро догнал её и крепко прижал к себе.

Just come up

When there will be the end of all words, sounds and outlines,
Just come up and embrace me

When all the rivers will flow away and no one bird will fly
back to these places,
Just come up and embrace me

When the silence will become so loud and you couldn't hear
my songs,
Just come up

Загадка Дженни

Когда бы Майк ни встречал Дженни – он никогда не узнавал её.

Точнее, когда она мягко толкала его в плечо и весело говорила: «Хе-эй!», – он несколько секунд с блаженной улыбкой идиота пялился на хорошенькую незнакомку, которая явно заигрывала (вообще-то говоря, Майк отроду не был обделён женским вниманием), и только когда

Дженни закатывала глаза и состраивала одну из своих дежурных «прискорбных» рожиц, Майк наконец-то опускался с небес на землю и со смущенным видом приветствовал давнюю подругу.

Дженни и Майк, по большому счету, даже и не были друзьями, хотя все, кто видел этих двоих вместе, неизменно принимали их за «сладкую парочку».

Дженни и Майк знали телефоны и адреса друг друга, но почти никогда не договаривались о встрече: просто, когда приходило то самое время, один из них появлялся на пути у другого – просто и естественно – так уж у них повелось.

На этот раз встреча настигла их в очереди на последний киносеанс. Вообще-то, очередью это было назвать сложно: кроме Дженни и Майка здесь была небольшая группа тинэйджеров и одна крепко «слипшаяся» парочка. Показывали

фильм ужасов, да и то неновый и малобюджетный.

– Скучно спать? – произнесли в один голос Дженни и Майк и утвердительно кивнули друг другу в ответ. Так они всегда честно объясняли себе причину совместных ночных шатаний где придется.

Развалившись в кресле нога на ногу, Майк хрустел попкорном, уставившись в какую-то точку экрана, где безучастные цветковые пятна хаотично сменяли друг друга. Мимолётные подружки приходили в его жизнь и уходили, как будто, прогуливаясь по шумному городу, вдруг решали ненадолго присесть на скамейку в тихом парке. Но то ли в этом парке обитали чудовища из потустороннего мира, то ли уж очень ответственный сторож обходил перед закрытием дозором все дальние закоулки – проходили ли пара дней, или пара месяцев, и скамейка неизменно пустела.

В мире же, где они с Дженни так беспечно и бесцельно проводили время, не было ни сторожей, ни чудовищ. После этих встреч оставалось лишь чувство всеобъемлющего покоя, хотя скорее, блаженного забытья. Как она вообще выглядит?!

Майк повернулся направо. Ему хотелось смотреть на нее. Смотреть долго и жадно, не отрываясь, пока на самой под-

корке мозга не отпечатается каждая еле уловимая черточка, каждый едва заметный дефект.

Там, где, как казалось Майку, только что сидела девушка, зияло опустевшее пространство. На кресле лежали смешные очки, которые они однажды вместе выиграли, когда случайно встретились в парке. Дженни любила вот так внезапно исчезая, оставлять «автограф» – это был ее излюбленный способ избавления от надоевших вещей, и, как Майк наконец-то осознал, побег от прощания.

Оказывается, он столько всего помнил о ней и так мало понимал. Но теперь Майк знал, что никогда не найдет ключа к загадке Дженни, потому что никакой загадки не было.

А еще он точно знал, что завтра позвонит ей и назначит свидание.

Wish Tree

The tree has dried up, but in the night breeze brightly colored
tapes fluttering flickered,
And the strange birds quietly sing their magic songs.
My heart is pounding because still able to love beauty.

Жил-был Дуб

Жил-был Дуб. Корни у него были большие и древние, а ствол – юный и хрупкий.

Вот такой невозможный был Дуб.

Листья его были нежные, и тоже неправильные: изумрудного цвета, без прожилок и «изнанки». Когда Солнце встало, они оттенялись лиловым, и серебрились на закате.

Когда и где жил этот Дуб?

Да так сразу и нельзя сказать, чтобы было какое-то конкретное «когда» или «где».

Наверняка можно сказать только одно: корни этого Дуба были в Земле, а ветви доставали до Неба.

Иногда и птички щебетали в его кроне, да белочки скакали по веточкам.

Поскачут, пощечечут – да и поминай как звали.

Был ли вокруг лес, была ли рощица – нельзя сказать наверняка. Вокруг вообще много чего было: реки, горы, люди, тропинки, камни, и даже вокзал. Да, самый что ни на есть заурядный вокзал – с поездами по расписанию.

Только Дуб это всё не волновало ни капельки. Да и на него самого почти никогда и никто не обращал внимания – как будто и нет его вовсе – ни здесь тебе, ни сейчас.

Так и проходили лиловые восходы и серебряные закаты – нельзя сказать, сколько прошло их, потому что Дуб как был

себе, так и стоит: корни древние-сильные, а ствол – тоненький-новенький.

Да только увидел дуб однажды на горизонте своём другую какую-то крону: чья она была – нельзя сказать, далеко ли, близко ли неба касалась – неведомо.

Да только стал дотолё голый Дуб теперь отчего-то жёлуди на Землю ронять – то лиловые, то бирюзовые, а то и серебристые – не знал и сам, как это вдруг выходит у него.

И стали те жёлуди высокими деревьями всё пород дивных да статных, и весь небосвод теперь держат-подпирают – авось, не обвалится.

Lilac-blue evening

There is a magical lilac-blue evening,
Let's go, let's go with me to there.

There is a coral dawning, which embraces naked fingers
by warm surf,
and there is a sand, which smells like sky tenderness.
Let's go, let's go with me to there.

Принцесса Кря

Принцесса Кря не просыпалась по утрам. Не просыпалась, и всё тут.

Окрестные утки чуть свет подскочут, клювы начистют, да на рынок бегут – с лапы на лапу переваливаются.

А принцессе – хоть бы что: спит себе и спит.

Брала принцесса и будильники заморские-диговинные: и с молоточком, и с кукушкой и с песенками противными да ужасными – нет, разбудить принцессу утром ну никак!

Приходили друзья-молодцы да сестрицы-умелицы: в окошки-двери тарабанили, галдели, визжали, крякали – всё принцессе нипочём.

Не просыпалось принцессе утром – не засыпалось и вечером. Ни перинки-подушки, ни молочко и печеньки, ни сказки скучные-пренудные – ну ничто принцессу не могло усыпить.

Уж и овечки стадами за окошком проскакивают – всех пересчитает принцесса, а глаз не сомкнёт. Уж и селезень-аптекарь порошок снотворный принёс да приготовил – не спит принцесса, ни дать ни взять бодрая, что твоей утиный выводок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.